

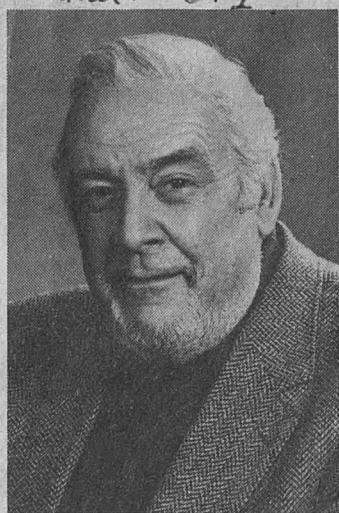
В июне 1941 года ГИТИС был похож на кипящий котел. На следующий же день после объявления войны началось формирование Коммунистического батальона Красной Пресни. Гитисовцы устремились туда.

Каждый из нас был убежден, что все это — на две, три недели, а затем наступит победа. Мы пели тогда песню «Уходили комсомольцы на последнюю войну». Мы были уверены, что она — последняя.

На фронт меня провожала Наташа Качуевская. Потом она выхаживала меня, раненого, в московском госпитале.

Нас погрузили в товарный

Андрей Гончаров



Метафоры войны

состав и... Мне, 22-летнему выпускнику театрального института, привиделась тогда одна из первых метафор, подсмотренных в реальной жизни. Состав остановился под мостом, недалеко от Ваганьковского кладбища. Я смог позвонить матери и невесте. И они поспешили ко мне на свидание. Две женщины бежали от церкви через все кладбище, минуя кресты и надгробия, чтобы обняться с новобранцем в новенькой синей форме. Кто знает, может быть, в последний раз?.. Первая метафора войны.

Вспоминая эти дни, я часто ловлю себя на мысли, что все это было не со мной. После 22 июня я ходил по знакомым улицам и не узнавал их. Все преобразилось в моем сознании. На первый призыв откликнулись те, от кого этого меньше всего могли ожидать. И, наоборот, те, кто, казалось, был полон боевого духа, остались в тылу. У меня тоже была броня. Но мне даже в голову не пришло ею воспользоваться.

Из ГИТИСа вместе со мной в батальон попали Толя Погорельский, Миша Гельман, Петя Громцев, Петя Федотов и Валя Невзоров. Никто ничего не умел. Я был в наиболее выгодном положении — занимался альпинизмом, ходил в школу ворошиловских всадников. Когда нас зачислили во взвод конной разведки, с первой же попытки почти все мои товарищи оказались под лошадьми. Миша Гельман с костным туберкулезом впервые сел на коня — только, чтобы не отстать от своих товарищей.

Но это было позже. Сначала нас отправили в Серпухов, где формировался противодесантный отряд и где мы успели по несколько раз выстрелить по мишени. А ночью — первый бой. Потом мы узнали, что немцам была дана команда «стрелять по синим порткам». Видимо, разведка донесла, что прибыли необстрелянные юнцы.

Через три дня от тысячи человек Коммунистического батальона Красной Пресни осталось чуть больше ста. Нас стали расформировывать по другим частям. Выстроили на опуш-

ке леса и вызывали желающих отправиться на самые передовые участки фронта. Тогда я услышал от рыжего соседа справа фразу, которую никогда больше не забывал. Чувствуя, что я порываюсь сделать шаг вперед, рыжий мудрец шептал: «Не торопись, Борис!». Он даже не знал, как меня зовут, но своей смекалкой, быть может, спас мне жизнь. С тех пор я не раз повторял эту фразу на своих репетициях.

Итак, все гитисовские ребята оказались во взводе конной разведки. И тут же, как я уже говорил, сползли на землю — забыли засунуться.

Я получаю первое задание — доставить донесение. Сроки были кратчайшие. Надо было мчаться аллюр три креста. По дороге я пережил то, что видел только в кино. За мной одним гонялся с леденящим душу воем вражеский самолет. Пару раз я укрывался в кювете. Задание было выполнено, но в конце концов я загнал несчастную свою кобылу по имени Лика. Надо было возвращаться в свою часть. Я взвалил на себя седло и потник и побрел по Минскому шоссе к передовой. А навстречу отступали наши войска. При виде человека с седлом на шее измученные, забинтованные солдаты разражались оглушительным хохотом. Еще одна метафора войны...

Все же я дошел до своей части. И уже не застал никого, кроме Толи Погорельского. Нас осталось четверо, я — за старшего. Ночью мы с Толей отправились на другую сторону Ярцевской переправы. Туда, в самое пекло, как мне рассказывали, вызвался накануне идти Миша Гельман. Там он и погиб. Мы с Толей хотели найти останки и похоронить. Не нашли. Картина этого ада развороченной земли на Соловьевой переправе до сих пор стоит у меня перед глазами. Это и называется войной.

Наш взвод (который выполнял функции разведки), влили в 4-й кавалерийский казачий корпус. Мы ходили по тылам, участвовали в страшных боях, отступали к Истре и наступали к Ельне. Это была битва под Москвой. В одном из боев меня ранило дважды, и Толя Погорельский вынес меня с поля боя на себе. К тому времени нас, гитисовцев, осталось в живых только трое: Толя, я и Валя Невзоров. Вскоре убили и Толю. А меня, контуженного и раненого, отправили в госпиталь. Наташа Качуевская, провожавшая меня на фронт, выхаживала теперь меня, вернувшегося с фронта. Потом не стало и ее.

Можно много рассказывать о страшных метафорах войны.

Я убежден, что мы там потеряли лучших. Я часто ловлю себя на мысли, что вроде бы виноват, что остался жив...